

И. А. ИЛЬИН

Письмо в редакцию <газеты «Возрождение»>

Глубокоуважаемый Петр Бернгардович!¹

В № 1800 газеты «Последние новости» я прочел заметку госпожи Гиппиус, характеризующую мои статьи в «Возрождении» как «буйство одержимого». Заметка эта написана в обычном для левой печати дурном тоне, в тоне мелкой инсинуации, и отличается разве лишь своею злобностью и претенциозностью. Я не буду засорять «Возрождения» полемикой с такими заметками, своевременно я предостерегал господ левых, что если они хотят серьезного отношения к своим статьям, то они должны оставить вульгарный тон и честно стараться понять чужую мысль. Всякие переходы в сферу произвольного домысла, сердцеведения, личных характеристик — *неприличны* и заставят меня проходить мимо их писаний так, как проходят мимо неприличия.

Я бы и совсем обошел молчанием выходки госпожи Гиппиус, но по поводу распространяемой ею неправды я считаю правильным обратиться к *нашим* читателям и восстановить правду о моих воззрениях.

Устно и печатно говорил не раз и повторяю: русская революция есть процесс стихийный и болезненный; нам надо не искать виновников, а исследовать причины: кризис слишком глубокий, слишком идеен, слишком всеобщ для того, чтобы какие-то добольшевистские отдельные личности могли быть объявлены виновниками.

Носиться с мстительными чувствами и жаждать мести — слепо, ядовито, безбожно, бесплодно. Мечтать о реставрации бывшего — неумно, безнадежно, негосударственно. Как выразился один из сотрудников «Возрождения», надо «смотреть вперед и созидать новое». Россия была духовно больна: ею овла-

дел дух революции, дух преступления. Наказание за это уже было, оно уже состоялось; и *такого* наказания и придумать никто не мог. В Россию надо идти с духом *братства*, с духом *амнистии*: всем болевшим, всем увлеченным, всем совращенным, всем павшим... С нелицемерным, государственно осуществляемым погашением вины.

Но идти надо прежде всего с тем, чтобы освободить ее от злодеев и злодейского ига. Это освобождение требует борьбы. Эта борьба требует силы и меча. Уговаривать здесь глупо до подлости. Бездействовать здесь нечестно до предательства. Всякий уговаривающий или бездействующий должен осмыслить свое поведение как явное потакание злодейству.

Во всем этом ничего не изменится, если кто-нибудь начнет отпугивать других словом «палач» или повторять плоские шутки о «военно-полевом богословии». Те, кто религиозно и активно любит свою Родину, отнесутся с пренебрежением и к страшным словам, и к плоским шуткам, и к газетной пачкотне дурного тона.

В час величайшего крушения и унижения Родины патриоту *естественно быть одержимым* любовью к ней и *буйно* относиться к ее врагам; и *противоестественно* занимать двусмысленную позицию и повторять холодные и злые, пустые и бесплодные слова...

Мне отрадно думать, дорогой Петр Бернгардович, что в этом воззрении моем я не одинок и что на страницах «Возрождения» я могу говорить об этом от лица нашего *мы*. Философ я или еще кто-нибудь — об этом будут судить наши внуки; пройдет время, нас не станет, и все обнаружится и поймется — кто по совести искал правду и кто, боясь этой правды, инсинуировал. Но и в понимании Христианства я не одинок, и духовная поддержка таких иерархов, как митрополит Антоний, архиепископ Анастасий Иерусалимский и епископ Тихон Берлинский, дает мне уверенность в том, что я не изобрел никакой новой ереси.

